

УДК 341.9

Брачный договор: опыт в международном частном праве¹

Петрова Елизавета Валерьевна, студент, Ростовский государственный экономический университет, yelizaveta.lizaliza.petrova@mail.ru

В статье рассматривается брачный договор как инструмент, позволяющий супругам самостоятельно определять имущественные отношения, особенно в условиях растущей международной мобильности и увеличения числа браков между гражданами разных государств. Проводится сравнительный анализ законодательства стран континентальной и англо-американской правовых семей, а также исследуются нормы международного частного права, позволяющие определить право, подлежащее применению к брачному договору. Анализируются важнейшие международные акты и прецеденты, в т. ч. Гагская конвенция, Регламент Европейского союза, единообразные акты Соединенных Штатов Америки и решение Верховного суда Великобритании.

Ключевые слова: брачный договор, международное частное право, режим имущества супругов, иностранный элемент, имущественные отношения, автономия воли сторон, брачно-семейные отношения, коллизионное регулирование.

За последние десятилетия институт брачного договора кардинально изменился. Если раньше он был редким явлением и вызывал моральные сомнения, то теперь стал обычным инструментом регулирования имущественных отношений супругов. Это особенно актуально в свете роста стоимости активов, усложнения семейного бизнеса, увеличения продолжительности браков и числа повторных союзов. В странах с развитой экономикой и высокой мобильностью населения брачный договор стал неотъемлемой частью семейного планирования, включая трансграничные аспекты.

В сфере международного частного права возникла необходимость разрешения ряда вопросов, связанных с брачными договорами. Среди них: определение права, применимого к договорам, заключенным между лицами с разным гражданством или местом жительства; степень свободы супругов в выборе права; границы их автономии воли; механизмы защиты прав третьих лиц и более слабой стороны договора. Также потребовалось выяснить, как изменения личного статуса супругов в период брака влияют на договор и в каком объеме иностранные брачные договоры будут признаваться в государстве, в котором они должны действовать. Особую сложность этим вопросам придает то, что брачный договор одновременно относится к семейному праву и является договорным институтом, балансирующим между императивными и диспозитивными нормами.

В современной зарубежной доктрине брачные договоры рассматриваются как важный инструмент реализации частной автономии в семейном праве. При этом существенной проблемой является то, что международно-правовое регулирование брачных соглашений, особенно в части определения применимого права и подсудности, носит фрагментарный характер и существенно варьируется от страны к стране. Глубокий сравнительный анализ различных национальных подходов к брачным договорам в международном аспекте представлен в коллективной монографии под редакцией Э. Шерпе, охватывающей правовые системы 14 стран и Европейского союза.

Отечественная наука активно изучает брачный договор в международном частном праве начиная с работ, посвященных сопоставлению российского и зарубежного регулирования имущественных отношений супругов, а также правовым нюансам заключения договоров с иностранным элементом. Тем не менее в связи с динамичным развитием европейского права семейных имущественных отношений (в частности, благодаря Регламенту N 2016/1103) и обновлением американской модели существует насущная потребность в актуализации сравнительно-правового

анализа и переосмысления коллизионных решений с учетом современной практики [1, с. 208].

Современный брачный договор базируется на принципе добровольного соглашения супругов о регулировании их имущественных отношений, но с учетом законодательных ограничений, призванных защитить более уязвимую сторону и общественные интересы. По сути, это договор между будущими супругами или лицами, уже состоящими в браке, который определяет, как будут распределяться их имущество и долги как во время брака, так и в случае его расторжения или смерти одного из супругов. Именно имущественный аспект отличает брачный договор от других семейных соглашений и определяет круг вопросов, которые стороны могут решать самостоятельно. Во многих европейских странах (например, во Франции, Германии, Нидерландах) брачный договор традиционно рассматривается как способ выбора одного из установленных законом имущественных режимов (например, совместной собственности, раздельной собственности, долевой собственности или их вариаций) либо их комбинации [2, с. 51].

Исторически в англо-американской правовой системе брачные договоры формировались как инструменты определения порядка раздела имущества и выплаты алиментов в случае расторжения брака. Долгое время судебная практика относилась к ним скептически, поскольку существовали опасения относительно их возможного несоответствия публичным интересам семейного права. В Соединенных Штатах единый подход к брачным договорам был законодательно закреплен Актом о единообразном добрачном договоре 1983 г. (UPAA). Этот акт был призван обеспечить предсказуемость и взаимное признание соглашений, заключенных до брака, особенно в условиях высокой миграции супругов между штатами. Тем не менее UPAA охватывал только добрачные соглашения, оставляя без регулирования послебрачные договоры, что стало предметом критики [3, с. 113].

Чтобы урегулировать вопросы, связанные с брачными соглашениями, в 2012 г. был принят Закон о единообразных добрачных и брачных соглашениях (UPMAA). Этот закон унифицировал подход к соглашениям, заключаемым как до, так и после регистрации брака. UPMAA закрепил процессуальные и материальные гарантии, обеспечивающие юридическую силу брачных договоров. К ним относятся обязательные условия: добровольность заключения, полное раскрытие всей существенной информации и отсутствие явной несправедливости. Для международного частного права особую ценность представляет положение, позволяющее супругам

¹ Научный руководитель: Алимova Ольга Викторовна — доцент кафедры гражданского права, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ).

выбирать право конкретного штата. При соблюдении установленных требований такие соглашения признаются и в других юрисдикциях США, что существенно снижает правовые риски для супругов, ведущих мобильный образ жизни [3, с. 116].

До начала XXI в. английские суды не признавали брачные договоры юридически обязательными. Они исходили из того, что супруги не могут заранее определять условия развода и лишать суд права самостоятельно решать, каким образом справедливо разделить имущество. Ситуация кардинально изменилась после дела *Radmacher v Granatino* (2010 г.). Верховный суд постановил, что брачные и послебрачные соглашения, хотя и не являются автоматически обязательными, должны, как правило, учитываться и исполняться судами. Это возможно при условии, что соглашения были заключены добровольно, стороны осознавали их последствия, а результат не является явно несправедливым. Таким образом, данное решение фактически узаконило брачные договоры как значимый фактор при разделе имущества при разводе, даже в случаях с международным аспектом, когда, например, супруги из другой страны заключают договор по своему праву, а дело рассматривается в Англии.

Международное частное право, выступая как надстройка над национальными правовыми системами, призвано регулировать не только законность брачного договора внутри страны, но и определять, какое право будет применяться к самому договору, к имущественным отношениям супругов и к их последствиям для третьих лиц. Ярким примером такого регулирования служит Гагская конвенция от 14 марта 1978 г., касающаяся имущественных режимов супругов. Эта конвенция ставит во главу угла свободу выбора супругов: они могут сами определить применимое право из предложенных вариантов (например, право страны, где проживает один из супругов, или право места их будущего совместного проживания). Если же выбор не сделан, применяется право страны первого общего места жительства супругов после брака, а в некоторых случаях — право их общей национальности.

В отличие от регулирования непосредственно брачных договоров Конвенция фокусируется на имущественных отношениях супругов, даже если брачный договор не был заключен. При этом, если супруги заключили брачный договор с указанием применимого права, такое соглашение о выборе права имеет юридическую силу и при условии его надлежащего оформления и регистрации является обязательным не только для супругов, но и для третьих лиц. Конвенция также допускает изменение применимого права в течение брака, хотя национальное законодательство может ограничивать обратную силу такого изменения в целях защиты интересов третьих лиц [4, с. 32].

Европейское право переживает новый этап унификации правил, регулирующих имущественные отношения супругов. Это связано с введением Регламента N 2016/1103, который был принят 24 июня 2016 г. и применяется в рамках расширенного сотрудничества между отдельными государствами — членами ЕС.

Регламент устанавливает единые правила для гражданско-правовых аспектов супружеских имущественных режимов, охватывая как управление имуществом в браке, так и его раздел при расторжении брака, раздельном проживании или смерти одного из супругов. Ключевым принципом является применение единого права ко всему имуществу супругов независимо от его вида и местонахождения.

При заключении брачного договора супругам предоставляется право выбора применимого права, позволяющее определить правовую систему, регулирующую их имущественные отношения. В качестве применимого права может быть избрано право государства

гражданства одного из супругов или право государства их обычного места жительства. Для обеспечения осознанности выбора и предотвращения коллизионных споров установлены строгие формальные требования к соглашению о выборе права, включая обязательную письменную форму, подписание и датирование, а также в некоторых случаях соблюдение дополнительных формальностей. При отсутствии явно выраженного выбора применимого права применяется комплексная коллизионная норма, приоритет в которой отдан праву первого общего места жительства супругов, установившегося после заключения брака.

Регламент N 2016/1103 тесно связан с национальными законами о брачных договорах. Например, в Нидерландах, где ранее действовал режим полной общности имущества, брачные договоры стали ключевым способом его изменения. Супруги могли выбрать существующий законный режим или создать собственный. Если супруги, проживающие в другой стране ЕС, выбирают голландское право в своем брачном договоре, это гарантирует предсказуемость их имущественного режима и его признание в государствах, участвующих в расширенном сотрудничестве. Однако, поскольку не все государства — члены ЕС присоединились к этому сотрудничеству, проблема разрозненности правового регулирования полностью не решена [5, с. 101].

Исследование выявило значительные различия в законодательстве разных стран в отношении брачных договоров. В континентальной Европе (например, в Германии, Франции, Испании и Нидерландах) договоры могут охватывать имущественные вопросы как во время брака, так и при разводе, а также отдельные аспекты семейного содержания. Однако положения, касающиеся отказа от алиментов или ущемления прав детей, часто признаются недействительными ввиду противоречия публичному порядку. В США и Великобритании подход к имущественным условиям более гибок, но и там существуют ограничения, основанные на принципах справедливости и защиты интересов детей [6, с. 132].

Международное частное право требует четкого разграничения вопросов, регулируемых различными правовыми системами, когда речь идет о брачном договоре. Необходимо определить, какое право применяется к:

- 1) заключению и форме договора;
- 2) его содержанию и действительности;
- 3) имущественным отношениям супругов;
- 4) его влиянию на третьих лиц.

Традиционный подход, заложенный в Гагской конвенции 1978 г. и развитый в теории, предполагает привязку каждого из этих аспектов к отдельному коллизионному статуту. Однако целью является максимально возможное единообразие применимого права, позволяющее избежать разрозненности правового регулирования. Для признания договора действительным достаточно соблюдения формальных требований либо страны, где договор был подписан, либо страны, право которой регулирует его содержание. Такая гибкость позволяет избежать признания договора недействительным из-за незначительных формальных ошибок, особенно когда супруги находятся в разных странах и, например, подписывают договор у нотариуса одной страны, но выбирают право другой. Однако некоторые страны устанавливают дополнительные формальные требования (например, обязательное нотариальное удостоверение или разъяснение правовых последствий), чтобы защитить более уязвимую сторону. Это может привести к тому, что иностранные брачные договоры, не соответствующие таким национальным требованиям, не будут признаны.

Вопросы материального содержания брачного договора часто

зависят от личного статуса супругов, права их общего места жительства или права, выбранного самими сторонами. Однако научное сообщество настаивает на осторожном подходе к таким коллизионным соглашениям. Это связано с потенциальным неравенством переговорных возможностей супругов и риском злоупотребления свободой выбора. Поэтому ряд специалистов рекомендует применять «двойной контроль»: оценивать брачный договор как по выбранному сторонами праву, так и по «объективному» праву (например, праву страны, где рассматривается дело, или праву общего места жительства супругов), чтобы исключить заведомо несправедливые последствия [7, с. 21].

Значительная часть дискуссий посвящена вопросам признания и применения иностранных брачных договоров. Европейские эксперты указывают, что взаимодействие Регламента N 2016/1103 с действующими нормами о подсудности при разводе и о наследовании формирует сложную правовую систему. В этой системе брачный договор может быть предметом рассмотрения одновременно при разводе, разделе имущества и в наследственных спорах. Поэтому выбор суда (юрисдикции) становится столь же важным, как и выбор применимого права, что подталкивает к выбору наиболее выгодной судебной инстанции, особенно в странах с широкими полномочиями судей (например, в Англии и Уэльсе до выхода Великобритании из ЕС).

В связи с увеличением числа международных браков и переездов семей за границу российское законодательство уделяет все больше внимания вопросам признания и исполнения брачных договоров, заключенных в других странах. Сравнительный анализ с американской практикой показывает, что российский институт брачного договора, в отличие от более гибкого американского, находится на стадии развития, тесно связан с нормами семейного права и имеет ограничения по содержанию, например в отношении личных прав и обязанностей супругов, а также вопросов, касающихся детей. В США большая свобода договора компенсируется возможностью признания договора недействительным, если он является несправедливым, а также наличием процессуальных гарантий.

Современные российские исследователи, опираясь на мировой опыт, выступают за расширение принципа автономии воли супругов при разрешении коллизий. Они предлагают позволить супругам в брачных договорах самостоятельно выбирать право, которое будет регулировать их имущественные права. Однако этот выбор должен быть ограничен правопорядками, имеющими объективную связь с браком, такими как гражданство супругов, их место жительства или местонахождение основной части их активов. Аргументация включает повышение предсказуемости правовых последствий для супругов, особенно для тех, кто проживает за границей или планирует миграцию, а также обеспечение взаимного признания договоров, заключенных по российскому праву, в других странах.

Анализируя развитие регулирования брачных договоров в международном частном праве, можно выделить несколько важных тенденций. Прежде всего, это укрепление принципа автономии воли сторон, что означает предоставление им более широких возможностей для выбора права, которое будет применяться к их брачному договору. Эта тенденция проявляется как в многосторонних конвенциях, так и в законодательстве наднационального и национального уровней. Принцип свободы сторон определять условия договора, традиционно применяемый в международном договорном праве, постепенно распространяется на сферу семейного права. Однако это происходит с учетом существенных ограничений, связанных с необходимостью защиты публичного порядка и

наилучших интересов детей.

Во-вторых, заметно стремление к унификации правил, определяющих применимое право (коллизионных норм), и формальных требований к брачным договорам. Примерами служат UPMAA в США и Регламент N 2016/1103 в Европе. Несмотря на различия в их правовой природе и сфере применения, обе инициативы направлены на достижение схожих целей: повышение предсказуемости, защиту законных ожиданий супругов и уменьшение стимулов к выбору наиболее выгодной юрисдикции.

В-третьих, нельзя игнорировать возрастающую значимость цифровизации и трансграничного движения информации. Появление электронных реестров брачных договоров и имущественных режимов супругов, развитие дистанционного нотариата и онлайн-платформ для заключения брачных соглашений, в т. ч. для международных пар, ставят новые вызовы. Они связаны с определением места заключения договора, выбором применимого права, соблюдением формы, а также с обеспечением подлинности и осознанности волеизъявления сторон. Эти аспекты пока находятся на стадии теоретического осмысления, но уже очевидно, что в ближайшем будущем они потребуют четкого законодательного закрепления.

Тем не менее в настоящее время остается нерешенным вопрос о разработке единого международного механизма, который комплексно регулировал бы правовые аспекты брачных договоров. Такой инструмент должен охватывать вопросы применимого права, определения юрисдикции в спорах, а также признания судебных решений и нотариальных актов, распространяясь не только на имущественные режимы супругов, но и на более широкий спектр соглашений, связанных с браком. Хотя Гагская конвенция 1978 г. и региональные акты стали важным шагом, их ограниченная сфера применения и неполный охват стимулируют научные дискуссии о необходимости дальнейшей унификации.

Результаты проведенного исследования дают основание для обобщающих выводов о месте и значении брачного договора в международном частном праве. Прежде всего, брачный договор является центральным инструментом, позволяющим супругам самостоятельно определять свои имущественные права, что наглядно иллюстрирует растущую роль договорных начал в семейном праве. В трансграничных контекстах его значение возрастает: он становится не только средством внутренней организации имущества, но и своего рода «коллизионным соглашением», определяющим применимое право и, как следствие, юрисдикцию.

Во-вторых, изучение международных соглашений и европейского права (например, Гагской конвенции 1978 г. и Регламента N 2016/1103) показывает, что принцип свободы выбора права и унификация правил определения применимого права становятся все более важными. Однако при этом сохраняется возможность учета национальных особенностей и ограничений, связанных с публичным порядком. В США в рамках федеративной системы унифицированные законы (UPAA и UPMAA) служат той же цели, способствуя взаимному признанию брачных договоров между штатами и устанавливая минимальные стандарты их справедливости и процессуальных гарантий.

В-третьих, сравнительный анализ выявил, что, несмотря на растущее признание брачных договоров, правовые системы континентальной Европы и англо-американского мира по-прежнему существенно различаются. Эти различия касаются того, какие именно условия могут включаться в договоры, в какой степени суды вправе вмешиваться в их содержание и каким образом защищаются более уязвимые стороны и интересы детей. Для пар, за-

ключивших международный брак, такие расхождения создают существенные риски и подталкивают к выбору юрисдикции с наиболее выгодными условиями, особенно когда существуют привлекательные правовые системы, как, например, до недавнего времени в Англии и Уэльсе.

В-четвертых, российская правовая доктрина и практика, анализируя зарубежный опыт, эволюционируют в сторону расширения самостоятельности супругов в принятии решений и укрепления договорных основ семейного права. Это предполагает предоставление супругам права выбирать применимое право в брачном договоре и стандартизацию формальных требований. Особое внимание уделяется совершенствованию механизмов, обеспечивающих полную информированность сторон, надлежащий нотариальный

контроль и прозрачность брачных договоров, что является ключевым условием их эффективного признания в иностранных правовых системах.

Ожидается, что в будущем международное частное право в области брачных договоров будет развиваться путем предоставления супругам большей свободы в выборе применимого права, но с четко определенными границами; обеспечения согласованности между нормами, определяющими применимое право, подсудность и порядок признания иностранных решений; приведения формальных требований в соответствие с цифровой эпохой и возможностью заключения договоров в электронном виде в трансграничном формате; а также, возможно, разработки нового международного договора, который комплексно регулировал бы вопросы, связанные с международными брачными договорами.

Примечания

1. Бандур В. Е. Сравнительно-правовой анализ брачного контракта в России и странах азиатско-тихоокеанского региона // Закон и право. 2021. N 8.
2. Войтович Е. П. Семейные соглашения в международном частном праве // Lex Russica. 2022. Т. 75. N 5.
3. Еремеева П. С., Чекулаев С. С. Сравнительно-правовой анализ брачного договора в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки // Концепт. 2018. N 2.
4. Левушкин А. Н. Брачный договор в Российской Федерации, других государствах — участниках Содружества Независимых Государств и Балтии. М., 2016.
5. Марышева Н. И., Муратова О. В. Брачный договор в международном частном праве: правовое регулирование в России и ЕС // Журнал российского права. 2014. N 6.
6. Международное частное право: учебник: в 2 т. / А. И. Абдуллин, Н. М. Артемьева, С. Н. Лебедев, Е. В. Кабатова. М., 2011. Т. 1.
7. Степкин С. П. Брачно-семейные отношения в международном частном праве // Международное публичное и частное право. 2017. N 6.

English version

Marriage contract: experience in private international law

Petrova Elizaveta Valer'evna, student, Rostov State University of Economics

This article examines the marriage contract as a legal instrument that allows spouses to independently regulate their property relations, especially in the context of increasing international mobility and the growing number of marriages between citizens of different states. The article presents a comparative analysis of the legislation of countries belonging to the continental and Anglo-American legal families, and also explores the rules of private international law used to determine the law applicable to a marriage contract. Particular attention is paid to the most significant international legal instruments and judicial precedents, including the Hague Convention, the European Union Regulation, the uniform acts of the United States of America, and a decision of the Supreme Court of the United Kingdom.

Keywords: marriage contract, private international law, matrimonial property regime, foreign element, property relations, party autonomy, matrimonial and family relations, conflict-of-laws regulation.